

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ЭО, 2009 г., № 4

© М.И. Драмбян

ИСЛАМ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Ключевые слова: социальная политика, Дагестан, ислам, мавлид, социальные трансформации, суфизм, политизация истории, коллективные представления, Кавказская война, межэтнические отношения, политическая мифология, джамаат, поведенческие стереотипы, культура досуга

Основным материалом для написания статьи послужили данные, собранные в результате полевых исследований автора в феврале 2006 г. в г. Махачкале и в июле–августе того же года в Табасаранском, Гунибском, Хунзахском, Гергебельском районах Республики Дагестан (РД), городах Дербенте, Махачкале.

После распада СССР и отказа от коммунистической идеологии, по крайней мере на уровне политических элит, перед странами, входившими в Советский Союз, и в первую очередь перед Россией встал вопрос о поиске новой идеологической системы, национальной идеи. Некоторые субъекты РФ, осознавая свою этнокультурную специфику, пытались или пытаются решить эту проблему самостоятельно. Республика Дагестан не стала в этом плане исключением.

С начала 1990-х годов, когда в России стало возможным свободное и открытое декларирование принадлежности к той или иной конфессии и, в целом, возросла роль религии, Дагестан, исторически являвшийся центром распространения ислама на Северном Кавказе, не остался в стороне от этой тенденции. В республике резко возросло количество мечетей, появились медресе, исламские вузы. В конце 1990-х годов более 10 тыс. дагестанцев ежегодно совершали хадж (*Ханбабаев* 2001). Позже наметилась тенденция к снижению числа паломников, однако уже в 2007 г., по данным Комитета Правительства Республики Дагестан по делам религий, хадж совершили более 17 тыс. дагестанцев при квоте, установленной Советом по хаджу при Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ для Республики Дагестан, в 13 тыс. человек (2100 паломников вылетели тринадцатью дополнительно организованными благотворительными рейсами, оплаченными Фондом Сулеймана Керимова) (РИА Дагестан 2008).

На 31 декабря 2007 г., по данным Комитета Правительства РД по делам религий, собранным на основании статистических сведений, предоставляемых муниципальными образованиями республики о религиозных объединениях, в Дагестане действовало: пятничных джума-мечетей – 1122, квартальных мечетей – 699, медресе – 113, молитвенных домов – 178, шиитских объединений – 20, исламских вузов 13 (Комитет 2008). Можно заметить, что после резкого увеличения в 1990-х годах количества религиозных, в первую очередь исламских, организаций и объектов ситуация стабилизи-

ровалась и в настоящее время тенденций к осязательному изменению количественных показателей не наблюдается.

Значительная часть мусульман республики соблюдает Рамадан¹. В пятницу на улицах рядом с центральной джума-мечетью Махачкалы образуются пробки: так велико число желающих принять участие в пятничной молитве. Несмотря на реисламизацию республики² и большее проникновение в жизнь рядовых дагестанцев религиозных представлений и норм, пожалуй, сложно будет найти случаи негативного отношения к иным конфессиям, в первую очередь к христианству. По крайней мере, нам не довелось стать свидетелями ситуаций такого рода или даже слышать о них.

Народам, населяющим Дагестан, в достаточной степени свойственна религиозная толерантность. Наличие иной, отличной от ислама религиозной ориентации воспринимается спокойно и даже положительно в сравнении с негативным отношением к атеистическим воззрениям, переходу в лоно другой конфессии или равнодушию к исламу, выражаемому открыто представителем автохтонных народов Дагестана.

Дагестанцы, придерживающиеся отличных от исламской мировоззренческих концепций, практически не могут заявлять об этом публично даже в кругу родных, в своей семье из-за боязни подвергнуться остракизму. По сообщению нескольких наших информантов (ПМА 1), работающих школьными учителями в ряде высокогорных аварских селений, они вынуждены ходить каждую пятницу в мечеть, чтобы "на них косо не смотрели" односельчане. Другой информант (ПМА 2: А. Г., Табасаранский р-н) в личных беседах без свидетелей признавался, что не верит в бога, но никогда не высказывал этого вслух в присутствии третьих лиц. В одной семье молодой человек ходит в мечеть и выполняет религиозные обряды из-за боязни своего дяди (ПМА 2: М. Ч). Житель Махачкалы рассказывал: "Я научил своего сына, как правильно молиться; будет верить, не будет – его дело, но пусть знает на всякий случай, чтобы не было проблем" (ПМА 2: К. 3).

По сути, религия, точнее, демонстрируемая в обществе религиозность становится "хорошим тоном", одной из форм социализации. Отсюда вытекает обилие формальных, но легко идентифицируемых проявлений принадлежности к исламу: пятничная молитва, хадж, отказ от употребления алкоголя в общественных местах и т. д. На последней теме остановимся подробнее. Как известно, ислам запрещает употребление спиртных напитков, однако в советское время, в основном уже после Великой Отечественной войны, сложилась практика обильных возлияний. Еще в досоветский период к горцам пришел крепкий алкоголь – водка, которая вытеснила традиционную бузу – брагу.

В настоящее время употребление горячительных напитков в общественных местах однозначно не одобряется. На улицах Махачкалы практически невозможно увидеть пьяных, нет столь привычных для других регионов России групп молодежи, распивающих пиво или иные спиртные напитки. Каких-либо ограничений на продажу алкогольной продукции в городах республики нет. Спиртное, в том числе и местного производства, всегда есть в наличии в многочисленных магазинах. Однако в обществе сформировалось отношение (в первую очередь при помощи религиозных авторитетов), что быть пьяным или идти с бутылкой – не "круто", а очень неприлично. В сравнении с советским временем изменились стереотипы поведения: сейчас мужчины в ресторане могут ограничиться соком или чаем. И дело вовсе не в формальных запретах, а в формирующихся нравственных императивах.

По сообщению нашего информанта (ПМА 1: М. Ч.), жителя Махачкалы, после брачного сговора с родственниками невесты его сына они зашли в ресторан, чтобы отметить это событие. Увидев большое число посетителей в основном зале ресторана, они предпочли уединиться в кабинете, чтобы не смущать остальных (описываемые события происходили во время Рамадана). Многие предприятия общественного питания на севере Дагестана, и в первую очередь в Махачкале, имеют отдельные кабинки –

"кабинеты", где может уединиться небольшая компания. Как нам представляется, такая планировка помещений востребована в том числе и потому, что для многих посетителей публичное употребление алкоголя создает некомфортные ощущения.

В некоторых сельских населенных пунктах республики пошли дальше – были приняты решения о введении сухого закона (надо оговориться, что такие населенные пункты расположены в северном Дагестане). Нам удалось побывать в одном из таких мест, расположенных в Гунибском р-не. Это небольшое селение, расположенное в горах, с числом жителей немногим более тысячи человек. В ауле есть медресе, три мечети, общеобразовательная школа, спортивный зал с борцовским ковром и несколько небольших магазинов, торгующих широким спектром продовольственных и промышленных товаров. Продажа алкогольной продукции в розничной торговле не производится. Отношение жителей к такой практике неоднозначное. Некоторые отзываются о нововведении положительно, утверждая, что они сами, окружающие и в первую очередь молодежь стали меньше пить; другие, напротив, полагают, что полный запрет провоцирует бессистемное употребление спиртных напитков, их масштабные закупки в соседних населенных пунктах.

По сообщению одного из информантов (ПМА 2: М. А.), если раньше молодые люди ограничивались распитием пива в родной деревне, то сейчас они вынуждены идти в соседнее селение около 4 км в одну сторону и, проделав такой путь, не ограничиваются слабоалкогольной продукцией. Мы сами стали свидетелями распространения практики употребления спирта вместо водки среди жителей села. Спирт из-за меньшего объема проще завезти в аул, где он по мере надобности разбавляется водой.

Локальный "сухой закон", с одной стороны, может провоцировать снижение культуры употребления спиртных напитков, но с другой стороны, пусть и не сразу, формирует в общественном мнении негативное отношение к пьянству. Директор местной школы рассказывал: "Когда я иду выпивший по улице и вижу, что навстречу идет мулла, я стараюсь свернуть, чтобы он не видел меня в таком состоянии. Не потому, что он мне что-то сделает или скажет; мне самому стыдно".

На сегодняшний день, в рамках светского государства, ислам не может с помощью правовых норм и исполнительных органов влиять на поведение мусульман, такое влияние может осуществляться лишь посредством формирования в общественном сознании позитивного или негативного образа тех или иных действий, поступков.

Значительное влияние на умы имеют и суфийские шейхи Дагестана. Интересно высказывание информанта из Южного Дагестана, который говорил о значимости шейха в общественной жизни, или при решении личных вопросов: "...Например я не мюрид³, не религиозный, но что мне этот человек скажет (имеется в виду Серажутдин Хурикий. – М.Д.) – буду слушать его как отца" (ПМА 2: Т.). Информант Н. из северной части республики предполагал, ссылаясь на существующие в обществе мнения, что шейх Саид-афанди Чиркейский⁴ уже стал святым.

Успешная практика возрождения ислама в республике связана, на наш взгляд, не только с исторической памятью народов Дагестана. Кроме этого важна выраженная и понимаемая широкими слоями населения "социальная политика" ислама в современном Дагестане. Причем для "простых людей", рядовых граждан республики мусульманские установки на достижение социальной справедливости, равноправия и порядка во многом идентичны коммунистической идеологии и как бы пришли ей на смену. Этим, вероятно всего, и объясняется одновременно "ренессанс ислама" и успехи коммунистической партии на выборах разного уровня, проводившихся в республике в период 1990-х и начала 2000-х годов.

С этой точки зрения показательна судьба одного из жителей Махачкалы, с которым нам довелось встретиться (некоторые подробности биографии информанта, о которых он из скромности умолчал, впоследствии были уточнены его друзьями). N.N. родился в семье врачей, получил высшее образование, работал на ответственной, хо-

рошо оплачиваемой должности за пределами республики, был искренним, идейным коммунистом. По семейным обстоятельствам был вынужден вернуться в Дагестан, получил второе высшее образование, но из-за принципиальной позиции и негативного отношения к взяточничеству, кумовству испытывал проблемы с трудоустройством после окончания учебного заведения. Некоторое время проработал в государственном учреждении, где добросовестно, часто безвозмездно, сверх своих служебных обязанностей оказывал помощь населению, что вызывало непонимание у коллег. После отказа дать ложное заключение, несмотря на давление вышестоящего начальства, был уволен. Через некоторое время приступил к работе в системе МЧС; подразделение, находившееся под его руководством, показало очень хороший результат по обеспечению безопасности жизни населения. Однако пытаясь заступиться за одного из своих лучших сотрудников, незаслуженно подвергшегося гонениям от вышестоящего начальства, вступил в конфликт с руководством и был уволен. Переживая кризисный период в жизни, обратился к исламу. В настоящее время убежденный мусульманин. По его собственным словам, для него коммунизм и ислам очень близки и принципиально не отличаются. Отметим, что его младший брат, учившийся в Турции в религиозном учебном заведении, – абсолютно светский человек. Таким образом, ислам в Дагестане в настоящее время предлагает систему ценностей, не только не противоречащую коммунистической морали (в ее идеальном виде), но и весьма созвучную ей.

Социальная политика исламских организаций Дагестана не ограничивается декларациями. Так, в Махачкале существует небольшая сеть мусульманских кафе "Халал"⁵ во главе с флагманом сети рестораном "Маидат". Особенность этих заведений – низкие цены при очень высоком качестве. Стоимость первых блюд 25–40 руб., вторых 25–50 (в среднем), причем цены ресторана не отличаются от цен кафе. Такая ценовая политика делает доступными эти заведения для самого широкого круга горожан, что подтверждается большим числом посетителей. Сложно сказать, каким образом удается удерживать такие отпускные цены – продукты и блюда превосходного качества. Имеют ли место дотации от тех или иных исламских структур, налоговые послабления – нам не известно. В этой связи стоит вспомнить ресторан при резиденции патриарха в Даниловском монастыре, считающийся одним из самых дорогих в Москве.

В настоящее время происходит замещение некоторых функций, выполняемых ранее государством и КПСС, отдельными институтами и практиками ислама. На наш взгляд, с этой точки зрения интересным представляется широкое распространение на севере Дагестана такого явления, как организация мавлидов⁶.

Сейчас в Дагестане мавлид, как правило, приурочен к каким-то региональным, локальным событиям (вплоть до внутрисемейных). Он может быть посвящен выдающимся историческим и религиозным деятелям, памятным акциям и т. д. На одном из таких мероприятий, состоявшемся в Хунзахском р-не, нам удалось побывать. Мавлид начался около 11 утра. Место для его проведения было определено в стороне от селения (около 500 м). От ближайшего дома был проведен электрический кабель для подключения усилителей и пульта звукорежиссера. На площади около 100 кв. м были расстелены ковры, над ними, между двумя автомашинами "КамАЗ", как бы ограничивающими пространство, натянули тент от солнца. На коврах расположились сидя около 40 мужчин разного возраста, еще человек 20 разместились сбоку на скамье. За столом, накрытым зеленым сукном, сидят 7 человек: представители ДУМД⁷, региональные религиозные авторитеты.

Женщины сидят в дальнем правом углу относительно стола "президиума". Многие люди стоят поодаль или свободно передвигаются, переговариваются. Пожилой мулла в микрофон по памяти читает суры Корана. Несколько раз звук отключается, но это не прерывает чтения. После окончания основной части мероприятия происходит символическая раздача милостыни⁸ – печенья и абрикосов. Распространяют также книги

народной поэтессы республики Фазу Алиевой, религиозные газеты и листовки. На мероприятии работает оператор одного из республиканских телевизионных каналов.

Незаметно приблизилось время послеполуденного намаза, после его завершения все участники мавлида прошли несколько сотен метров к памятному камню, установленному несколько лет назад на месте, где, по преданию, состоялось последнее совещание Шамиля со своими наибами, на котором было принято решение идти в Гуниб и обороняться там от царских войск. У камня выступил местный краевед, который рассказал об исторических событиях, происходивших в этих местах в период кавказской войны. В некотором отдалении стояла милицейская машина с двумя сотрудниками МВД, которые приглядывали за порядком.

Завершилось мероприятие торжественным обедом в местном клубе, на котором присутствовало около 100 человек (общее число участников мавлида было больше в несколько раз). В помещение клуба, временно превращенного в столовую, входили через узкие двери, в произвольном порядке. На скатертях, разложенных прямо на коврах, стояли соки, минеральная вода, фрукты, холодные закуски, зелень, огурцы, помидоры, молотые грецкие орехи с медом и патокой, лепешки. Перед каждым гостем стояла тарелка и лежала вилка. Участники трапезы занимали места самостоятельно, размещались не ориентируясь на возрастную или социальный статус.

К еде приступили сразу, без каких-либо вводных слов. Через некоторое время подали горячее: тушеное мясо, тефтели с рисом, люля из рубленого мяса. Ели молча, лишь изредка соседи перебарщивались двумя-тремя фразами. Обед занял не более 30 минут, после чего была прочитана молитва и люди стали расходиться. Последние гости покинули зал через пять минут после окончания молитвы. Женская трапеза была организована в другом помещении, примыкающем к клубу. Число женщин как на основном мероприятии, так и на обеде было в несколько раз меньшим, чем мужчин.

Основной, заявленной, идеей мавлида, на котором нам удалось присутствовать, было поминовение жертв гражданской войны, но попутно был "затронут" и более ранний исторический период, связанный с деятельностью Шамиля. В настоящее время в северном Дагестане проходит около 10 подобных мероприятий в год. Зачастую они носят более масштабный характер, иногда даже завершаются праздничными концертами. С уходом в прошлое советской идеологии из общественной жизни ушли и праздники, которые объединяли общество, наполняли жизнь духовным содержанием (здесь не идет речь о качестве этого наполнения). На наш взгляд, современная практика проведения мавлидов в Дагестане также несет важные социальные функции, связанные с интеграцией общества.

В 1990-е годы, в период сложной экономической и политической ситуации, помимо религии люди пытались опереться на свою историю, найти ответы на вызовы современности в прошлом. Важным историческим периодом и ключевой фигурой для значительного числа дагестанцев представляются Кавказская война и руководитель сопротивления горцев имам Шамиль. События, происходившие в первой половине и середине XIX в., оставили глубокий след в исторической памяти народов Дагестана. Следует сразу оговориться, что среди дагестанцев распространены различные оценки личности Шамиля. В южном Дагестане имама вспоминают не часто, практически нет переименований улиц в его честь, и наряду с высокой оценкой его полководческих талантов некоторые информанты прямо называли Шамиля предателем, а его наивов грабителями. Как известно, имам был аварцем, и, конечно, большая часть его приверженцев находится среди них, однако мы остереглись бы утверждать, что отношение к Шамилю строго связано с принадлежностью к тому или иному этносу. Нам приходилось слышать весьма критические замечания и мнения о нем от представителей аварского народа и наоборот.

В отличие от южного Дагестана на севере, и в первую очередь в Махачкале, повсюду можно увидеть портреты предводителя горцев. В кабинетах чиновников разных

уровней обязательно присутствует портрет президента РФ, что де-факто является стандартом интерьера служебного кабинета в России, и портрет Шамиля с гордо вскинутой головой. Его портреты, вышитые на коврах, можно увидеть в домах дагестанцев, мозаичное панно украшает центральную площадь в Гунибе, установлены памятные доски и скульптурные композиции, посвященные имаму, его соратникам, событиям периода Кавказской войны. В Махачкале и большинстве населенных пунктов северного Дагестана были сделаны массовые переименования улиц в честь Шамиля и его набов. Издаётся много литературы, посвященной борьбе горцев с царскими войсками.

Интересно, что наибольшая часть изображений имама связана с первой половиной его жизни, т. е. до добровольной сдачи в плен в 1859 г. Период жизни Шамиля в Калуге в почетной ссылке обычно обходят вниманием. Например, в экспозиции Государственного объединенного исторического и архитектурного музея и музея изобразительных искусств наибольшее место (2 зала) отведено экспонатам, тем или иным образом связанным непосредственно с деятельностью имама как предводителя горцев в Кавказской войне и этому временному промежутку в целом. Образ Шамиля, который сегодня предлагается дагестанскому обществу, – это образ мужественного, негибачего, мудрого правителя и победоносного полководца. Современный образ имама – наглядный пример конструирования истории, когда из сложного, трудного жизненного пути хирургическими методами удаляется некоторая часть. На наш взгляд, по крайней мере внешне, ситуация несколько напоминает "лениниану" советских времен. За период существования СССР сложилась определенная матрица в сознании бюрократии, связанная с мифологизацией и гиперболизацией выдающейся личности, оставившей свой след в истории. Привычная форма просто была наполнена новым содержанием.

Для человека "со стороны" покажется странным и парадоксальным сочетание в сознании значительной части жителей Дагестана "шамилизма" (преклонение перед Шамилем – предводителем сопротивления горцев Российской империи) и осознания себя неотъемлемой частью российского общества и Дагестана частью Российского государства. Стремление увековечить такую память о Шамиле, о Кавказской войне не имеет своим следствием сепаратистских тенденций или антирусских настроений. Конечно, такое значимое для Дагестана событие, как Кавказская война, привлекло внимание как политических элит, так и многих рядовых граждан республики. Однако вместо глубокого анализа этого интереснейшего и трагического явления, целой эпохи в жизни народов Кавказа, была использована упрощенная "черно-белая" схема в не лучших традициях историографии советского периода. Впрочем, такие процессы происходят не только в Дагестане.

Видимо, не характерны для современного Дагестана и межэтнические противостояния, разломы общества по этническим границам, в прямом и переносном смысле этого словосочетания. За исключением периода начала 1990-х годов, когда активно создавались общественные организации по "национальному" признаку и некоторые группировки в политических целях пытались прибегнуть к этнической мобилизации, положение дел в республике в этой сфере достаточно стабильное. По данным Министерства по делам национальной политики, информации и внешним связям Республики Дагестан, менее пяти процентов конфликтов, зафиксированных в республике, имеют этническую подоплеку (ПМА 2: Ильясов).

Вот слова жителя Махачкалы, в целом достаточно критически относящегося к политике руководства республики: «Мне рассказывал знакомый, что в Москве есть надписи, например "убей хача" и т. д., никто не стирает их, у нас такое невозможно, если бы кто написал так у нас в городе про любой народ, все бы на ушах стояли, искали – кто написал, стерли бы сразу. Вот видишь, парень идет, я не знаю, кто он – лезгин, аварец, украинец – мне все равно. Чеченцы и русские не такие...» (ПМА 2: М.).

Значимую роль в современной общественной жизни республики играют "земляческие" отношения, в первую очередь между выходцами из одного джамаата⁹, иногда из группы близко расположенных аулов, в некоторых случаях из одного района. Связи между выходцами из одного джамаата часто поддерживаются и на уровне второго поколения. Высокая степень сохранности земляческих отношений обеспечивается распространённой повсеместно практикой проведения отпуска переселенцами в своих родных местах.

В летний период в родное селение съезжаются люди практически со всей России. Многие имеют неплохой достаток и вполне могли бы позволить себе отдых на российских и зарубежных курортах, однако предпочитают провести время часто в весьма непритязательной обстановке, в условиях с минимальными бытовыми удобствами, но на своей "малой родине", в кругу родственников и друзей.

Б. – выходец из селения Сиртич Табасаранского р-на. Постоянно проживает в Саратове, где имеет свой бизнес. Приехал в родной аул в отпуск на своей машине, иномарке: "...Я, конечно, могу поехать там в Турцию, Египет или еще куда, но меня никуда не тянет, для меня лучше всякого моря искупаться вот в этом Рубасе"[?] (река, протекающая рядом с Сиртичем, летом мелеет до такой степени, что купаться можно только принимая горизонтальное положение) (ПМА 2: Б.).

Конечно, такая практика ощутимо влияет на социальную ситуацию в обществе: сохраняются родственные связи, осуществляется взаимопомощь, оказывается положительное влияние на экономику дагестанского села и республики в целом. Кроме того, даже имеющие постоянную жилплощадь в городах Дагестана и других субъектов РФ стараются не только поддерживать в хорошем состоянии родовые дома, но и строить новые, личные, если, например, отцовский дом наследовал другой брат. Новое строительство требует значительных временных и материальных затрат, такое поведение не вполне рационально выглядит с точки зрения формальной экономики: ведь дом в лучшем случае будет использоваться непродолжительное время в летний период и на такой срок всегда можно остановиться в родительском доме, у родственников. Наличие и распространённость такой практики позволяет судить о значимости джамаата, земляческих связей для большинства дагестанцев.

Один из наших информантов, имеющих постоянную работу и жилплощадь в Москве, специально отправил своего сына на один учебный год в среднюю школу своего родного села, чтобы мальчик почувствовал себя укоренённым в этой среде, завел друзей, знакомых среди сверстников¹⁰. Жизнь джамаата не становится чужой для его выходцев, они следят за событиями в родном ауле и если надо – активно в них участвуют.

Интересный случай произошел в Ругудже (Гунибский р-н). Среди постоянных жителей этого села был совершен раздел земельных участков, находившихся ранее в колхозном владении. Среди новоявленных собственников оказалось определенное число некоренных жителей Ругуджи, проживающих постоянно уже значительное время в этом населённом пункте. В ответ на такой поворот событий выходцы из Ругуджи, постоянно проживающие за его пределами, незамедлительно собрались, приехали в селение и настояли на отмене решения о разделе земли. Сложность адекватного раздела и в целом сохранность земельных угодий во многом определяется сохранностью колхозов и совхозов в республике. Подробно данная проблема рассматривается в работе В.О. Бобровникова (2004).

Культурная жизнь дагестанского села также подвергается ощутимым трансформациям. Уходят в прошлое праздники советского периода: 1 Мая, 7 Ноября. Праздник "первой борозды", который широко отмечался ранее, не имеет сейчас такого распространения. Сохраняет свое значение Новый год, в его преддверие проходит "новогодняя елка" в школе. Ночью люди зрелого возраста находятся дома, молодежь идет веселиться в центр села.

Конечно, с возвращением ислама возросла роль религиозных праздников. Широко отмечается Ураза-Байрам. "В Рамадан¹ все готовят кушанья и ходят в гости, к старшим родственникам в первую очередь. На улицахлюдно", – сообщает житель Гунибского р-на С. Существовавшие в советское время коллективы самодеятельности в большинстве случаев не сохранились. Клубы закрыты, где-то по экономическим соображениям, где-то под влиянием ислама; запрещены и такие увеселительные мероприятия, как танцы. В торжественной обстановке проходят спортивные соревнования. Спортом номер один в Дагестане является борьба: наверное, в каждом селе, особенно на севере республики, есть детская спортивная секция вольной борьбы.

Перед выборами разных уровней резко увеличивается количество культурных мероприятий, появляются спонсорские средства. По селам ездят артисты с концертами; важными, памятными событиями становятся мавлиды. Кроме спорта подросткам, молодежи практически нечем заняться. В последнее время в селах стали открываться компьютерные клубы. В нихлюдно, молодые ребята допоздна играют в компьютерные игры. Выхода в Интернет в таких заведениях в сельской местности обычно нет, подключены к глобальной Сети, как правило, только школы.

В тех населенных пунктах, где влияние ислама не очень велико, и на оживленных трассах открываются кафе, пивные, в том числе и с разливным пивом.

В целом степень развития и разветвленность сферы услуг в Дагестане, наверное, одна из самых высоких в России. Создается впечатление, что государство в лице своих институтов минимально старается участвовать в жизни простых граждан республики. Ненавязчивая (за исключением определенных случаев) работа правоохранительных органов, фактически платное высшее образование, нежелание или отсутствие возможностей властей решить проблему занятости создают широкий простор для самоорганизации и социального творчества населения. В такой ситуации и в социальной структуре, и в коллективных представлениях образуются как бы пустоты, которые, гипотетически, могут быть заполнены самой разной материей.

Декларируемое "возвращение к корням", возврат к исламу таковыми, конечно, не являются, происходит конструирование новой религиозности (необходимо заметить, что ничего негативного мы в этом процессе не видим). Нельзя утверждать, что мусульманские традиции, религиозные практики полностью пресеклись в советское время. Во многих селениях жили алимы, сохранившие традиции досоветского периода и передававшие их своим духовным наследникам, но в масштабах республики происходили совершенно другие процессы. После революционных изменений конца 1980-х годов, трансформаций в экономике и социальном устройстве ислам и общество как бы искали пути друг к другу. Этот процесс не завершен, и поведенческие стереотипы и религиозные практики в Дагестане будут еще меняться и приспосабливаться друг к другу.

Общество не может существовать без некоторых ориентиров, реперных точек в истории, которая в ситуации отсутствия перспектив развития становится, по сути, единственной субстанцией, легитимирующей это общество. Конструирование истории не такое безобидное занятие, каким может показаться на первый взгляд, "воссозданная" история способна созидать, программировать наше будущее.

Примечания

¹ Пост во время мусульманского лунного месяца Рамадан. "...В течение светового дня верующий не должен есть, пить, воскурять благовония, развлекаться..." (Логашова, Пучков 1998).

² Необходимо оговориться, что степень проникновения религии, религиозных практик в общественную жизнь населения Дагестана различается в зависимости от регионов республики. Так, большее место ислам занимает в социальном пространстве северной части Дагестана. Более секуляризированным (с точки зрения вопросов, рассматриваемых в данной работе) остается

юг республики. Значительные отличия имеют место и между способами актуализации религии в сельских населенных пунктах и крупных городах Дагестана.

³ Мюрид или мурид – букв. «"ищущий"; суфий, находящийся в начале пути к богу» (Хрестоматия 1994), ученик суфийского шейха. В Дагестане распространены суфийские тарикаты: Накшбандия, Шазилия и Кадирия. В данном случае речь идет об учениках накшбандийского шейха.

⁴ Серажутдин Хурикийский и Саид-афанди Чиркейский – два наиболее влиятельных в Дагестане суфийских шейха. Из них наиболее важной фигурой в Духовном управлении мусульман Дагестана и в республике в целом является Саид-афанди (Ацаев, 1937 г.р.) из аварского селения Чиркей. Он учит своих последователей по шазилийскому, а на более продвинутом уровне и по накшбандийскому тарикату. Серажутдин (Исрафилов, 1954 г.р.) из табасаранского селения Хурик принадлежит к братству Накшбандия. Он и его последователи влиятельны в южном Дагестане.

⁵ Буквальное значение слова "халал" – дозволенные для мусульман действия, поступки (Родионов 2001: 242), в том числе дозволенные к употреблению еда и напитки.

⁶ Мавлид (маулид) – празднование дня рождения пророка Мухаммеда. Допускается проведение мавлидов практически в любое время. В современной религиозной традиции Дагестана, как правило, мавлид имеет социальное звучание, проводится в масштабе джамаата (селения) или района. Кроме того, мавлид имеет значение как песнопение, посвященное пророку. В данном тексте употребляется в смысле первого определения.

⁷ Духовное управление мусульман Дагестана.

⁸ Имеется в виду садак – добровольная милостыня, в отличие от заката (закят) – обязательной очистительной милостыни, налога в пользу религиозной общины, являющейся одной из важнейших обязанностей мусульман, входящей в число пяти столпов ислама (Хрестоматия 1994).

⁹ Джамаат – в данном контексте соседская община в Дагестане. Имеет также значение как сообщество верующих (мусульманская община, сложившаяся вокруг пятничной мечети).

¹⁰ Стоит отметить, что речь идет не о последнем, выпускном, классе, что могло бы облегчить поступление в вуз республики, т. к. выпускники сельских школ пользовались определенными преимуществами. Сын респондента заканчивал школу в Москве и в данный момент учится в престижном московском вузе.

¹¹ Информант имеет в виду праздник разговения Ураза-Байрам, который отмечается в начале следующего за Рамаданом месяца – шавваля – в знак окончания поста.

Источники и литература

- Бобровников 2004 – Бобровников В.О. Колхозы и ислам в современном Дагестане // Кавказский сборник. № 1 (33). М.: НП ИД "Русская панорама", 2004.
- Комитет 2008 – Комитет Правительства Республики Дагестан по делам религий. 2008 (www.comrelig.ru/files/Kolich_pocaz_.doc).
- Логашова, Пучков 1998 – Логашова Б.Р., Пучков П.И. Ислам // Народы и религии. Электронная энциклопедия. 2003.
- Омарова 2004 – Омарова М.М. Из истории секуляризации государственно-правовых отношений в Дагестане // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. № 1 (6). 2004.
- РИА Дагестан 2008 – Республиканское информационное агентство Дагестан // <http://www.ria-dagestan.ru/news/2008/01/22/61983/>
- Родионов 2001 – Родионов М.А. Ислам классический. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
- Ханбабаев 2001 – Ханбабаев К.М. Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. № 1 (1). 2001.
- Хрестоматия 1994 – Хрестоматия по исламу. М.: Наука, 1994.
- ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора в Республику Дагестан, февраль 2007 г.
- ПМА 2 – Полевые материалы экспедиции автора в Республику Дагестан, июль–август 2007 г. including his own fieldwork in 2006 in Tabasarnask, Gunib, Khunzakh, Gergebel regions and cities of Derbent and Makhachkala.